

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОНИМИИ И МЕТАФОРЫ

© 2012 г. В. В. Глебкин

В статье исследуется вопрос о когнитивных основаниях метонимии и метафоры, а также проблема проведения корректной демаркационной черты между ними. Показано, что и метонимию, и метафору можно связать с двумя фундаментальными типами когнитивных операций, первый из которых в традиции культурно-исторической психологии называется “мышлением в комплексах”, второй – “мышлением в понятиях”. Первый из этих типов характерен для “дотеоретических” культур (традиционные культуры, культура Древнего Египта и т.д.), второй – для теоретических (например, культура Древней Греции), так что метонимию можно назвать базовым способом организации нарратива в дотеоретических культурах, а появление когнитивной метафоры – связать с теоретическими культурами. Последнее утверждение проиллюстрировано на примере анализа семантической эволюции древнегреческого слова *ύλη* (*материя*).

It is a common place in the modern cognitive linguistics that metonymy and metaphor are cognitive phenomena rather than mere figures of speech. However, different cognitive basis of metonymy and of metaphor, as well as the clear and correct cognitive demarcation between metonymy and metaphor reveal that they appear to be rather different phenomena. The main point of this paper is that the cognitive mechanism of “complex thinking”, which is well-known in psychology, but hardly ever applied to linguistics, proves to be the cognitive basis for metonymy; the difference between “complex” and “conceptual” thinking is also helpful to distinguish between “conceptual metonymy” and “conceptual metaphor”. According to the cultural-historical approach, we can state that metonymy dominates in the pre-theoretical cultures, whereas metaphor emerges in the theoretical ones alongside the appearance of abstract “conceptual domains”. In order to illustrate these points with a brief case study, the semantic evolution of the Ancient Greek word *ύλη* (matter) is considered.

Ключевые слова: Когнитивная лингвистика, культурно-историческая психология, мышление в комплексах, метонимия, метафора

Key words: Cognitive linguistics, cultural-historical psychology, complex thinking, metonymy, metaphor

Введение

Проблему когнитивной интерпретации метафоры и метонимии, т.е. понимания их не просто как поэтических тропов, а как операций, имеющих важную познавательную функцию, можно назвать одной из наиболее обсуждаемых в когнитивной лингвистике за последние 30 лет. С ней непосредственно связан и вопрос о различии метафоры и метонимии как когнитивных процессов. И если в базовых подходах к построению когнитивной теории метафоры между исследователями существует определенный консенсус¹, то концептуальный базис когнитивной теории метонимии и, более того, даже корректное определение метонимии остаются предметом непрекращающихся дискус-

сий². Также нерешенным и активно обсуждаемым остается вопрос о возможности и принципах проведения строгой демаркационной черты между метафорой и метонимией и о возможных промежуточных состояниях между ними (см., например, [14–18]). Проблематика данной статьи находится в обозначенном проблемном поле. Ее цель состоит в том, чтобы предложить когнитивную модель метонимии и подход к описанию когнитивных различий между метонимией и метафорой, опирающиеся на различия в фундаментальных типах мышления, описанных Л.С. Выготским и другими представителями отечественной школы культурно-исторической психологии.

Начать хотелось бы с нескольких общих замечаний, задающих методологические рамки для дан-

¹ Теоретический фундамент здесь задала ставшая уже классической работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1; русский пер. 2], заложившая основы теории концептуальной метафоры, развитой в последующих работах как Лакоффа и Джонсона, так и других исследователей (см.: [3– 6, 7, с. 79–122; 8; 9] и др.).

² См., например, весьма бурную полемику Д. Гираертса и И. Пирсмана с В. Крофтом [10–12] вокруг когнитивного определения метонимии. Представление о спектре современных взглядов на эту проблему можно также получить по работе [13].

ной работы. Прежде чем говорить о когнитивных основаниях метонимии, необходимо пояснить, что имеется в виду под самой метонимией, о каком явлении мы говорим. Очевидно, что метонимия не является ни объектом реальности, таким, как дерево или камень, ни фактом языка, таким, как слово “яблоко”, например; правильнее назвать ее средством для описания ряда языковых фактов. Другими словами, вопрос о метонимии относится к области компетенции лингвистов, а не обычных носителей языка. Тогда корректное определение метонимии должно удовлетворять следующим требованиям: а) оно должно исходить из прототипических языковых фактов, идентифицируемых как метонимия в рамках общей лингвистической традиции, берущей свое начало в Античности, и б) его не следует распространять слишком широко и включать в него факты, интуитивно воспринимаемые как качественно отличные от прототипического ядра. В противном случае понятие размывается, и работа с ним в значительной мере теряет смысл.

Приведу одну иллюстрацию важности сформулированных требований. В одной из своих работ З. Ковечеш и Г. Радден предлагают понимать как метонимическую конструкцию язык в целом: “Сама природа языка основывается на метонимическом принципе, который Лакофф и Тернер описывают как СЛОВА ЗАМЕЩАЮТ ПОНЯТИЯ, КОТОРЫЕ ОНИ ВЫРАЖАЮТ. Так как использование формальных структур является единственным средством для выражения понятий и оперирования с ними в процессе коммуникации, язык, также как и другие коммуникационные системы, оказывается по необходимости метонимией” [19, с. 42]. Однако данное утверждение вызывает ряд вопросов. Если мы, предельно упрощая ситуацию, рассмотрим два соответствия: между какой-либо цифрой и обозначаемым ей числом (например, цифрой 5 и числом “пять”) и между огнем и Гефестом в классическом фрагменте из Гомера, приводимом как образец метонимии в античных пособиях по риторике (*Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем* (в греческом тексте – Гефестом. – В.Г.) *обращали*³) (см. об этом: [20, с. 59]) или между посетителем “Макдональдса” и бутербродом с ветчиной в ставшем уже классическим примере Лакоффа *The ham sandwich is waiting for his check* (Бутерброд с ветчиной ждет свой счет) [1, с. 35], мы можем заметить существенное отличие между этими соответствиями. Безусловно, цифра 5 выступает здесь как знак понятия “пять”

так же как бутерброд с ветчиной является знаком ожидающего счета посетителя. Однако в отличие от цифры 5 бутерброд с ветчиной не только имеет специфическую форму, за ним стоит и вполне конкретный набор культурных смыслов: мы знаем, что это пища, которую мы можем купить в определенных местах, что она, может быть, не слишком полезна для нашего здоровья и т.д. Другими словами, мы знаем, как взаимодействовать с этим объектом, в каких культурных контекстах он появляется. Если опираться на прототипические образцы, наличие у знака подобных культурных смыслов является необходимым условием для метонимии, поэтому утверждение Ковечеша и Раддена выглядит как неоправданное расширение границ термина.

Итак, говоря о когнитивных основаниях метонимии, я буду иметь в виду прототипические образцы наподобие бутерброда с ветчиной и ожидающего счета посетителя и дистанцироваться от расширений значения понятия, аналогичных приведенному выше. В указанных границах обычный взгляд на когнитивную функцию метонимии выглядит следующим образом: благодаря метонимии одна концептуальная структура выступает посредником, проводником при движении познающего интеллекта к другой концептуальной структуре в рамках единой концептуальной области, что отличает метонимию от метафоры, имеющей дело с различными концептуальными областями⁴. Однако здесь возникает естественный вопрос о цели такого посредничества. Несколько упрощая ситуацию, его можно сформулировать следующим образом: если референт высказывания может быть обозначен непосредственно, то в чем когнитивный смысл осуществляемой посредством метонимии опосредованной референции, какое познавательное значение она имеет? Действительно, если в случае концептуальной метафоры проекции связей между категориями базового уровня на абстрактные категории считаются основным способом описания абстрактного пласта в языке [5, с. 3] (так, движение (во) времени описывается как перемещение в пространстве: *день экзамена стремительно приближался; мы шли к этому много лет* и т.д.), то в случае метонимии такой тезис о соотношении области-источника и области-цели неверен: в частности, мы можем прямо назвать посетителя “Макдональдса”, не используя для этого бутерброд с ветчиной, или

³ Пер. Н.И. Гнедича. В греческом тексте: *σπλάγχνα δ' ἄρ' ἀπτεῖραντες ὑπείρεχον* 'Нφαίστοιο (Hom., II., 2, 426).

⁴ См.: [21; 1; 22; 10, с. 269–275]. Различные авторы используют здесь различную терминологию (domain, domain matrix, Idealized Cognitive Model), однако эти терминологические различия не имеют существенного значения для данной статьи.

сказать “Он любит читать романы Толстого” вместо “Он любит читать Толстого”. Можно говорить о языковой мотивации использования метонимии в данных контекстах, но ее когнитивная функция здесь, по крайней мере, неочевидна.

Мне удалось найти лишь два возможных варианта ответа на поставленный выше вопрос среди когнитивных лингвистов. Один из них состоит в том, что метонимия дает возможность сфокусировать внимание на наиболее важных элементах целого (иллюстрация, предложенная Лакоффом и Джонсоном: *There are a lot of good heads in the university* (В этом университете много светлых голов) [1, с. 36], – интеллект, традиционно локализуемый в голове, является определяющей характеристикой человека в данном контексте); другой – в том, что метонимия обеспечивает доступ к менее заметным областям семантической структуры с помощью более заметных [23, с. 74], ср. [4, с. 77]. Обе интерпретации оставляют много вопросов. Действительно, рассмотрим приводимое Лакоффом предложение *Washington is insensitive to the needs of ordinary people* (Вашингтон безразличен к нуждам простых людей) [4, с. 77]. Странно было бы утверждать, что место является наиболее важным элементом понятия “правительство США” в данном контексте, так же, как и настаивать на том, что такой опосредованный способ обозначения референта открывает более доступный путь к нему, чем прямая референция.

Другими словами, можно констатировать, что на вопрос о когнитивных основаниях и познавательной функции метонимии пока не найдено убедительного ответа. Вместе с тем, в отечественной психологии давно уже описан процесс, открывающий путь к пониманию метонимии как когнитивного явления. Станным образом, он не попал еще, насколько мне известно, в поле зрения исследующих метонимию лингвистов. Речь идет о “мышлении в комплексах”. Далее я напомним базовые факты, связанные с исследованием этого типа мышления, расставив важные для данной статьи акценты.

“Мышление в комплексах” и метонимия

Следуя исторической хронологии, начать данный раздел следует с появившихся в первые десятилетия XX века работ Л. Леви-Брюля [24]. В них он описал мышление представителей традиционных культур и нашел, что целый ряд совершаемых ими ментальных операций противоречит принципам аристотелевской логики. Так, аборигены племени бороро, обитающего в

северной Бразилии, утверждали, что они – красные попугаи арара, причем настаивали на том, что являются бороро и арара не последовательно, а одновременно, что они и арара тождественны по существу [24, с. 63]. Леви-Брюль назвал такой, парадоксальный с современной точки зрения, подход принципом партиципации (сопричастия), а тип мышления – пралогическим мышлением.

Позднее Л.С. Выготский в классической работе “Мышление и речь” объяснил наблюдения Леви-Брюля, рассматривая их как частный случай “мышления в комплексах”. Если не вдаваться в детали, можно сказать, что под комплексами Выготский понимал структуры, в которых отсутствует “дальний порядок”, задающий универсальные принципы их внутренней организации, но присутствует “ближний порядок” связей между элементами, определяющийся повседневным опытом человека. Другими словами, существует определенный принцип, связывающий соседние элементы (появление в определенном контексте, форма, цвет, функция и т.д.), но этот принцип меняется при переходе от области к области и не выдерживается на протяжении всей структуры. “Самое существенное для построения комплекса то, что в основе его лежит не абстрактная и логическая, но конкретная и фактическая связь между отдельными элементами, входящими в его состав. Так, мы никогда не можем решить, относится ли данное лицо к фамилии Петровых и может ли оно быть так названо, основываясь лишь на логическом отношении его к другим носителям той же фамилии. Этот вопрос решается на основании фактической принадлежности или фактического родства между людьми” [25, с. 148]. Выготский иллюстрирует свои идеи классическим наблюдением Ч. Дарвина: «...ребенок называет словом “ква” первоначально утку, плавающую в пруду, затем всякую жидкость, в том числе и молоко, которое он пьет из своей бутылочки. Затем, когда он однажды видит на монете изображение орла, монета также получает то же самое название, и этого оказывается достаточным, чтобы потом все круглые, напоминающие монету предметы получили то же самое название. Мы видим типичный пример цепного комплекса, где каждый предмет включается в комплекс исключительно на основе известного общего признака с другим элементом, причем характер этих признаков может бесконечно изменяться» [25, с. 158].

Выготский разрабатывал типологию и модель эволюции мышления в комплексах, прежде всего, на материале развития ребенка дошкольного и младшего школьного возраста, хотя и говорил о значимости этого типа мышления как для пред-

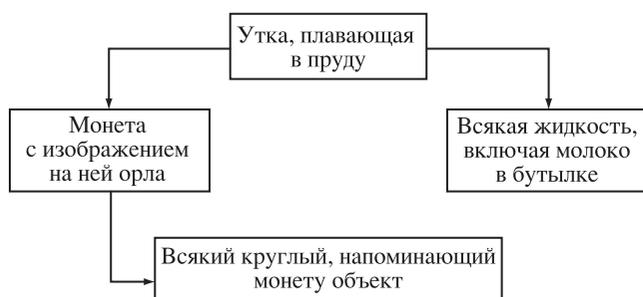

Рис. 1. Структура комплекса “ква”.

ставителей традиционных культур, так и людей с определенными типами ментальных заболеваний [25, с. 161]. Последующие исследования, осуществленные в данном направлении, убедительно продемонстрировали, что предложенная модель носит гораздо более общий характер, будучи крайне важной не только для онтогенеза, но и для филогенеза. При этом мышление в комплексах, как оказалось, описывает не только мышление человека традиционных культур⁵, но, при определенных уточнениях, и мышление носителя теоретической культуры во множестве бытовых ситуаций [29; 30; 31; 32, с. 63–85, 104–132]. Принципиальная разница состоит лишь в том, что человек теоретической культуры может использовать оба типа мышления (мышление в комплексах и понятийное мышление) в зависимости от ситуации, тогда как ребенок и носитель традиционной культуры воспроизводят лишь первый из этих типов.

Возвращаясь к сюжету с метонимией, нужно отметить, что параллелизм между связями внутри комплекса и метонимическими связями кажется очевидным. Представление о том, что слова повседневного языка соответствуют комплексным структурам с диффундирующими границами, открывает новые возможности для ответа на вопрос о когнитивных основаниях метонимии⁶. Как ребенок объединяет в своем сознании воду из пруду

⁵ О значимости и культурных основаниях операции мышления в комплексах для традиционных культур см.: [26; 27; 28, с. 68–181].

⁶ О комплексном характере языка писал и Выготский [25, с. 161]. На первый взгляд, представление о соответствующих словам ментальных структурах как комплексах близко подходу Лакоффа (Idealized Cognitive Model, [4, с. 68–76]) или Крофта (domain matrix, [22]), однако, принципиальное отличие состоит в том, что и у Лакоффа, и у Крофта предложенные ими структуры носят статичный и вневременной характер. Они описываются просто как “факт языка”, без акцентированной связи с социокультурным контекстом. Комплекс же представляет собой развернутое во времени образование, реагирующее на изменение социокультурной ситуации.

да, в котором плавает утка, с текущим из бутылки молоком, так официант, исходя из ситуационного контекста, связывает в единый комплекс бутерброд с ветчиной и заказавшего этот бутерброд посетителя. Более того, проведенная параллель дает возможность обозначить общий алгоритм исследования проблемы, которую существующие когнитивные теории метонимии интерпретируют как выходящую за рамки их компетенции: почему из всего многообразия связей по смежности с данным объектом или ситуацией актуализируется лишь небольшая часть таких связей и что является причиной для их актуализации⁷?

Путеводной нитью здесь является постулат об аффективном характере мышления, который занимает весомое место в поздних работах Выготского [33; 34]. Попадание того или иного объекта в фокус внимания ребенка, поддержанное его эмоциональным интересом к нему, задает направление сдвига референции, обеспечивая эволюцию комплексной структуры. Ключевым моментом здесь оказывается не наличие объективных связей по смежности между предметами, а соседство их в субъективном опыте ребенка. Аналогично и в ситуации в кафе область деятельности официанта определяет фокус его внимания и задает направление метонимического сдвига, явно периферийного по отношению к объекту в целом (официанта не интересует уровень образования, интеллект, семейное положение или спортивные пристрастия посетителя, ключевой его характеристикой в данном контексте становится сделанный им заказ). В более сложных ситуациях можно говорить о социальном или культурном интересе, направляющем фокус внимания социума или культуры и определяющем метонимические трансформации под воздействием социокультурных факторов.

С проблемой когнитивных оснований метонимии связан вопрос о соотношении когнитивных функций метонимии и метафоры. Пожалуй, первый системный ответ на этот вопрос был предложен в рамках структуралистского подхода. Так, Роман Якобсон рассматривал метафору и метонимию как универсальные познавательные модели, связывая первую с позиционным подобием, а вторую – с семантической смежностью [35, с. 126–130]⁸. Однако такой взгляд предполагает метафорическое расширение базового значения понятий, напоминающее по своей структуре рассмотренный выше пример из работы Ковечеша и

⁷ Обсуждение этого вопроса см., например, в [11; 12].

⁸ О дальнейшей эволюции и развитии идей Якобсона см., например, [36, с. 170–171].

Раддена. Опираясь на приведенные в данной статье соображения и работы Лакоффа и Джонсона по концептуальной метафоре, мы можем предложить иную модель, исходящую не из стремления расширить базовое значение термина, придав ему универсальный смысл, а из установки на поиск соответствия между этим значением и фундаментальными психологическими процессами, лежащими в его основе. Тогда метонимия связывается с комплексным мышлением и повседневной речью, а концептуальная метафора – с описанием абстрактных областей в языке. Если говорить о культурогенезе, то метонимические сдвиги оказываются базовой формой семантической эволюции для дотеоретических культур, таких как традиционные культуры или культуры первой древности (Древний Египет, Древняя Месопотамия и др.), а метафора появляется в теоретических культурах (например, в древнегреческой) вместе с формированием абстрактных областей в языке.

Предложенная модель дает хорошую базу и для разделения метафоры и метонимии в случаях, которые объявляются исследователями сомнительными или допускающими различную интерпретацию. Так, описание *знать* через *видеть* (например, *я вижу, у тебя что-то нехорошее на уме*), интерпретируемое обычно как концептуальная метафора, может быть, с точки зрения некоторых исследователей, понято и как метонимия, если считать, что *зрительное восприятие* и *мысленное восприятие* принадлежат одному когнитивному домену [17, с. 59–60]. Однако подобный взгляд в значительной степени представляет собой недоразумение, которое снимается при обращении к социокультурным основаниям когнитивных про-

цессов. Ключевым моментом в разрешении этого недоразумения становится анализ того, как та или иная культура представляет себе их протекающие. Так, в ранней античности у Гомера процессы зрения и мышления соотносились с процессами дыхания и движения особых флюидов (см., например [37, с. 86–102]), и здесь в одних случаях можно было говорить о метонимии, а в других – и о буквальном значении, но когда мышление стало связываться с особой абстрактной областью, отделенной от области зрительного восприятия, метонимия трансформировалась в метафору.

В заключительной части статьи хотелось бы проиллюстрировать сделанные утверждения на примере семантической эволюции слова *ύλη*, латинский эквивалент которого (*materia*), вошел в русский и основные европейские языки и стал одним из ключевых терминов для западной философской традиции. Этот пример интересен тем, что дает возможность проследить, как трансформация культуры из симпрактической в теоретическую ведет к появлению концептуальных метафор. Для его адекватного понимания важно помнить, что на ранних этапах (в текстах Гомера, например) культура Древней Греции воспроизводит симпрактические модели, но к концу V–IV в. до н.э. в ней появляется теоретический пласт, ярким выражением которого является философия Платона и Аристотеля.

Семантическая эволюция слова *ύλη*

На основании статьи в базовом для филологов-классиков словаре Лидделла и Скотта можно реконструировать структуру комплекса *ύλη*.

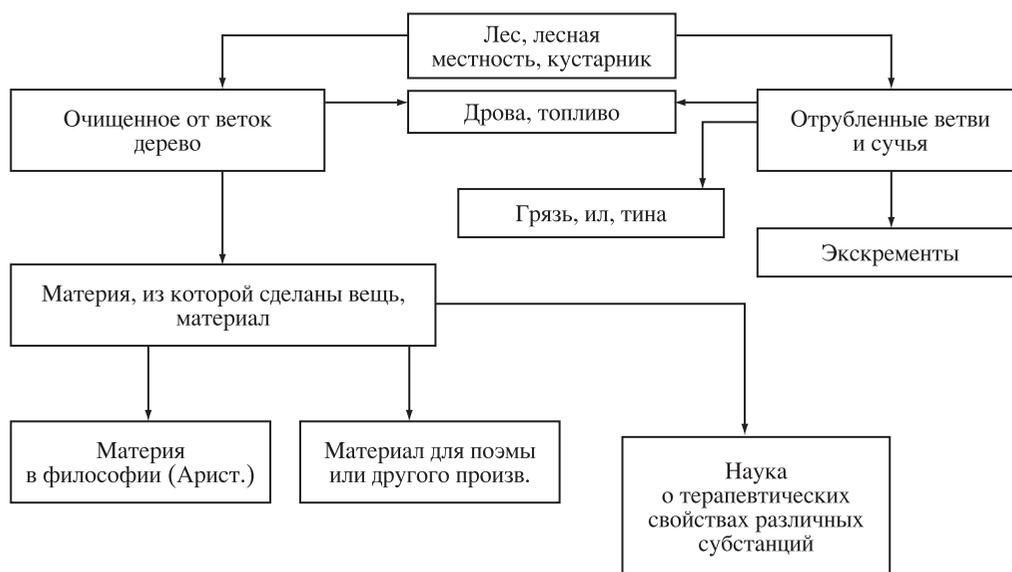

Рис. 2. Структура комплекса *ύλη*.

Она представлена на рис. 2. Мы видим здесь как явное сходство отдельных его фрагментов со структурой комплекса “ква”, приведенного на рис. 1, так и важные отличия, связанные с появлением метафорической составляющей (материя как философская категория, как материал для литературного произведения и др.). Для корректного разделения метафорических и метонимических сдвигов нам следует обратиться к диахроническому описанию семантики слова и перейти от данных словаря к непосредственному анализу текстов.

Наиболее ранние случаи употребления слова *ύλη* мы находим у Гомера. В “Илиаде” оно вместе с дериватами встречается 39 раз, в “Одиссее” – 23. Основным значением здесь является “лес, лесная местность” – 45 случаев употребления (72,6%) (напр., *Но высокий утес и густая тенистая роцца (δάσκιος ύλη) зверя спасают* (Il., 15, 273–274, пер. Н.И. Гнедича)); следующее по частотности значение – топливо для костра (в первую очередь, погребального) – 11 случаев (17,7%) (напр., *Ты, владыка мужей, повели, Агамемнон, завтра леса (ύλην) к костру навозить и на берегу все уготовить, что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени* (там же, 23, 49–51)). В трех случаях *ύλη* обозначает топоним, название места, в двух – кустарник, и в одном – материал, используемый при строительстве корабля.

У Геродота это слово встречается 8 раз, из них в четырех случаях оно означает лес, группу деревьев, в трех – топливо и в одном – материал для строительства; у Фукидида – 9 раз: в пяти случаях – лес, в двух – хворост, в одном – сухой и в одном – кустарник; у Еврипида – 4 раза, все со значением “лес, лесная местность”.

Приведенные данные, при всех необходимых оговорках, дают представление как о востребованности слова в языке, так и о направлениях метонимического сдвига. Мы видим, что основным вектором здесь является сдвиг значения от леса к топливу для костра, что вполне соответствует базовому направлению использования леса в повседневной практике, направлению социального интереса. Также встречается, хотя и реже, значение леса как материала для строительства, что тоже непосредственно отражает социальную практику. Никаких метафорических значений *ύλη* мы не обнаруживаем в этих текстах.

Ситуация начинает меняться у Платона, для которого это слово тоже не слишком характерно. У него мы находим 13 случаев использования слова *ύλη*. Из них в 7 случаях оно имеет базовое значение “лес, лесная местность”, в двух означа-

ет топливо, в двух – материал для строительства. На двух случаях необходимо остановиться особо. Первый из них – фрагмент “Тимея”: *“Теперь заготовленные причины разложены у нас по родам, как строительные припасы у плотников (‘Οτ’ οὖν δὴ τὰ νῦν οἶα τέκτοσιν ἡμῖν ὑλη παράκειται τὰ τῶν αἰτίων γένη διυλισμένα), и нам остается только выложить из них дальнейшую часть нашего рассуждения”* (Tim. 69a, пер. С.С. Аверинцева). Здесь мы видим классический пример концептуальной метафоры: областью-источником оказывается работа плотников, областью-целью – построение интеллектуальной конструкции, а *ύλη* становится материалом для такого строительства. Здесь, в отличие от всех проанализированных ранее текстов, взгляд Платона обращается на абстрактную область, описываемую с помощью концептуальной метафоры как важного инструмента анализа. Второй пример из “Филеба”: *“Я утверждаю, что лекарства и всякого рода орудия и вещества (ἔνεκα φάρμακά τε καὶ πάντα ὄργανα καὶ πᾶσαν ὑλην) применяются ко всему ради становления, каждое же определенное становление становится ради определенного бытия, все же становление в целом становится ради всего бытия”* (Phil. 54c, пер. Н.В. Самсонова). Здесь мы видим метафорическое расширение значения от конкретного материала при строительстве до любого материала, изменяемого в процессе деятельности и используемого для других целей. Этот шаг важен для понимания дальнейших трансформаций значения у Аристотеля.

Сразу следует сказать, что у Аристотеля ситуация изменяется кардинально. Это проявляется, прежде всего, в частоте употребления: в его текстах слово *ύλη* встречается более 570 раз, что заметно больше, чем у всех предшествующих авторов, вместе взятых. Далее, хотя мы и можем найти в его текстах базовое значение (лес, лесная местность), оно составляет лишь малый процент от всех употреблений (12 раз, менее 2%). Подробный анализ особенностей использования данного слова Аристотелем и философской нагрузки, которую оно несет, потребовал бы отдельной монографии, но некоторые замечания, непосредственно связанные с сюжетом метонимии и метафоры, необходимо сделать.

Ключевой для Аристотеля становится связь семантики *ύλη* с идеей возможности, потенциальности. Приведу в качестве иллюстрации характерный фрагмент из трактата “О душе”: *“Итак, под сущностью мы разумеем один из родов сущего; к сущности относится, во-первых, материя, которая сама по себе не есть определенное нечто (ὡς ὑλην, ὃ καθ’ αὐτὸ οὐκ ἔστι τόδε τι); во-вторых,*

форма или образ, благодаря которым она уже называется определенным нечто, и, в-третьих, то, что состоит из материи и формы. Материя есть возможность (ἔστι δ' ἡ μὲν ὕλη δύναμις), форма же – энтелехия, и именно в двояком смысле – в таком, как знание, и в таком, как деятельность созерцания” (De anima, 412a7-12; пер. П.С. Попова). В данном, как и во множестве других фрагментов, мы можем видеть, как маргинальная по сути интерпретация уже не базового, а одного из полученных путем метонимии значений ὕλη как материала при строительстве, актуализуется Аристотелем и становится у него основанием для общей концептуальной метафоры, интерпретирующей материю любой вещи как данную вещь в возможности, а также для ряда частных концептуальных метафор: первой материи как возможности для четырех первоэлементов (земли, огня, воздуха, земли), не имеющей никакого действительного статуса, материи как предмета рассуждений (*рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, соответствующей предмету, подлежащему рассмотрению*) (εἰ κατὰ τὴν ὑποκειμένην ὕλην διασαφηθεῖν) (Eth. Nicom. 1094b12-14)), материи как субъекта, к которому применяются различные предикаты (De caelo, 268a20-23) и др. Другими словами, использование концептуальной метафоры здесь вызвано теоретическими задачами, стоящими перед самим Аристотелем, необходимостью выработки языка описания для исследуемых им абстрактных областей. После Аристотеля эти значения начинают восприниматься как привычные, и произошедшие семантические трансформации закрепляются, постепенно проникая из философских текстов в литературный и повседневный язык.

Заключение

Возвращаясь к поставленным в начале статьи проблемам, мы можем следующим образом сформулировать результаты проведенного анализа:

А) Не являясь непосредственно универсальными познавательными операциями, как это утверждалось структуралистами, метонимия и концептуальная метафора опираются на значимый когнитивный базис и соответствуют двум фундаментальным типам мышления: мышлению в комплексах, используемому во множестве ситуаций в повседневной жизни, описываемых повседневным языком, и теоретическому мышлению, связанному с описанием различного рода абстрактных пространств.

Б) Говоря о соотношении семантической эволюции с базовыми социокультурными типами, можно утверждать, что метонимия является единственной формой такой эволюции в дотеоретических культурах (первобытной, традиционной и культурах первой древности). Метафоры появляются в теоретических культурах одновременно с возникновением абстрактных областей в языке.

В) В отличие от метонимии, в большинстве случаев отражающей общий для людей социальный опыт и имеющей анонимный характер, авторами метафор часто являются конкретные люди, решающие собственные теоретические задачи. В статье мы видели это на примере Аристотеля, но похожие трансформации мы можем найти и у Платона (например, со словом χώρα – пространство) и у ряда других авторов. Освящаясь авторитетом своих создателей, такие метафоры закрепляются в философском языке и затем понемногу проникают в литературу и повседневную жизнь. Другими словами, первичные концептуальные метафоры не анонимны, как это следует из описаний Лакоффа и его коллег, но обладают индивидуальной и часто весьма запутанной биографией, реконструкция которой дает весьма важный материал и для построения диахронной когнитивной теории метафоры в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Johnson M. The Body in the Mind. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.
4. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.
5. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. N.Y.: Basic books, 1999.
6. Kövecses Z. Metaphor in culture: universality and variation. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005.
7. Gibbs R. Embodiment and cognitive science. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006.
8. Johnson M. The meaning of the body: aesthetics of human understanding. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2007.
9. Kövecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.

10. *Peirsman Y., Geeraerts D.* Metonymy as a prototypical category // *Cognitive Linguistics*. Vol. 17, № 3, 2006.
11. *Croft W.* On explaining metonymy: Comment on Peirsman and Geeraerts, "Metonymy as a prototypical category" // *Cognitive Linguistics*. Vol. 17, № 3, 2006.
12. *Peirsman Y., Geeraerts D.* Don't let metonymy be misunderstood: An answer to Croft // *Cognitive Linguistics*. Vol. 17, № 3, 2006.
13. *Barselona A.* Reviewing the properties and prototype structure of metonymy // R. Benczes, A. Barcelona, F. José Ruiz de Mendoza Ibáñez (eds.). *Defining metonymy in cognitive linguistics: towards a consensus view*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2011.
14. *Goossens L.* Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative expressions for Linguistic Action // *By word of mouth : metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective*. P. Pauwels, B. Rudzka-Ostyn, A.-M. Simon-Vandenberghe, J. Vanparys (eds.). Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1995.
15. *Bartsch R.* Generating polysemy: metaphor and metonymy // R. Dirven, R. Pörings (eds.). *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
16. *Dirven R.* Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation // R. Dirven, R. Pörings (eds.). *Metaphor and metonymy in comparison and contrast* Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
17. *Deignan A.* Metaphor and corpus linguistics. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub., 2005.
18. *Deignan A.* Corpus Linguistic Perspective on the Relationship between Metonymy and Metaphor // *Style*. Vol. 39, № 1, 2005.
19. *Radden G., Kövecses Z.* Metonymy: Developing a cognitive linguistic view // *Cognitive Linguistics*. Vol. 9, № 1, 1998.
20. *Arata L.* The Definition of Metonymy in Ancient Greece // *Style*. Vol. 39, № 1, 2005.
21. *Langacker R.* Reference-point constructions // *Cognitive Linguistics*. Vol. 4, 1993.
22. *Croft W.* The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // R. Dirven, R. Pörings (eds.). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002.
23. *Feyaerts K.* Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies // A. Barcelona (ed.). *Metaphor and metonymy at the crossroads: a cognitive perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
24. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление // *Л. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
25. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2*. М.: Педагогика, 1982.
26. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Издательство Московского университета, 1974.
27. *Тульвисте П.* Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин: Валгус, 1988.
28. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Издатель Савин С.А., 2003.
29. *Фрумкина Р.М., Михеев А.В.* "Свобода" и "нормативность" в экспериментах по свободной классификации // *Лингвистические и психолингвистические структуры речи*. – М., 1985.
30. *Фрумкина Р.М.* Интерпретация смыслов: признаки и целостности // *Семантика и категоризация*. М.: Наука, 1991.
31. *Фрумкина Р.М.* Вокруг детской речи: методологические размышления // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 60. 2001. № 2.
32. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М.: Издательский центр "Академия", 2007.
33. *Выготский Л. С.* Раннее детство // *Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4*. М.: Педагогика, 1984.
34. *Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С.* К вопросу о деменции при болезни Пика // *Хрестоматия по патопсихологии*. М.: Издательство Московского университета, 1981.
35. *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990.
36. *Лотман Ю.М.* Риторика // *Лотман Ю.М. Избранные статьи*. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992.
37. *Онианс Р.* На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999.